

С. Н. АЗБЕЛЕВ (Санкт-Петербург)

Рецензия на: Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 гг. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2009. — 800 с.

Двадцатый век был для России ознаменован тяжелейшими потрясениями не только в общественной жизни, но и во многих сферах научной деятельности. Особенно пострадали гуманитарные науки, в частности — фольклористика. Семь десятилетий идеологического диктата, усилившегося в 30-е годы, когда репрессировали и ученых-фольклористов, оставили тяжкое наследие, изживание которого, к сожалению, еще не закончилось. Но целесообразно уже сейчас начинать серьезное осмысление тернистого пути, пройденного нашей наукой в истекшем столетии. К выполнению этой непростой задачи приступила Т. Г. Иванова. Ею был проработан огромный материал, освоение которого происходило в значительной мере по ходу составления серии библиографических указателей. Кроме того, за плечами Т. Г. Ивановой — работа по написанию изданной в 1993 г. книги «Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках». Здесь была уже рассмотрена деятельность Г. В. Аничкова, А. В. Маркова, Б. М. и Ю. М. Соколовых, А. Д. Григорьева, В. Н. Андерсона, Д. К. Зеленина, Н. Е. Ончукова и О. Э. Озаровской. Рассмотрена в довольно зыбких хронологических границах, диктовавшихся биографией того или иного ученого и потому захватывавших порой не только 1930-е, но и 1940-е годы.

Нынешняя книга кардинально отличается по структуре и существенно шире по охвату материала. Т. Г. Иванова почти во всех случаях отказалась от компактного рассмотрения деятельности того или иного фольклориста, построив свое изло-

жение по хронологически-проблемному принципу и выделив в составе хронологических разделов специальные главы, посвященные характеристикам научных учреждений и издательств, фольклорных архивов, собирательско-экспедиционной работы, краеведения и вузовской науки, этномузыковедения, использования фольклора в культурологической деятельности.

В книге три приблизительно равновеликих хронологических раздела: первый охватывает 1900—1916 гг., т. е. весь дореволюционный период, второй посвящен тому этапу советской истории, который предшествовал установлению всевластия Сталина, — это 1917—1928 гг., третий доведен до начала Великой Отечественной войны и захватил, соответственно, только первую половину 1941 г. Завершает книгу сравнительно небольшой дополнительный раздел, в котором характеризуется русская зарубежная, главным образом, — эмигрантская фольклористика 1920—1930-х гг. В предисловии оговорено, что работа будет продолжена написанием еще четырех хронологических разделов: о фольклористике времени Отечественной войны, о «переходном» периоде 1946—1957 гг., о начале «освобождения» науки «от идеологических пут» в 1958—1986 гг. и о периоде, когда, по оптимистичному заключению Т. Г. Ивановой, совершилось уже «окончательное идеологическое раскрепощение фольклористики» — в связи с «перестройкой» 1987 г. (с. 8—10).

Хотя первый раздел книги во многом использует материал предшествующего труда Т. Г. Ивановой, преобладают здесь сведения, не столько относящиеся к личной научной деятельности упомянутых выше ученых, сколько помогающие дать обобщенную и, вместе с тем, конкретизированную картину состояния фольклористики в предреволюционный период ее развития. Для этого Ивановой пришлось охарактеризовать сравнительно коротко и

труды тех крупнейших ученых, деятельность которых, начавшаяся еще в девятнадцатом веке, не рассматривалась в ее предыдущей книге. Это, прежде всего, основатель и глава исторической школы русских эпосоведов академик В. Ф. Миллер и оказавший значительное воздействие на фольклористику двадцатого столетия академик А. Н. Веселовский. Основные главы первого раздела посвящены научным направлениям тогдашней науки. Помимо исторической школы к таковым отнесены последователи Веселовского, финская школа, изучение индивидуальности сказителя (русская школа), этнологическое направление. Достаточно внимательное их рассмотрение, при вполне очевидном стремлении автора к полной объективности, все же не свободно оказалось от тенденциозного наследия, восходящего еще к сталинским временам.

Название исторической школы Т. Г. Иванова всякий раз употребляет в кавычках — следуя терминологической традиции, обязательной советским «разоблачителям» этого направления — в отличие от употребления термина без кавычек в трудах самих ученых исторической школы и их современников. Следуя традиции тех же «разоблачителей», Иванова пишет о «методологическом кризисе», который, по ее словам, «назревал» в трудах этой школы еще до ее идеологического погрома в партийной печати (с. 380). По словам Ивановой, «новых, свежих идей» историческая школа «в этот период не выдвинула» — из чего будто бы следует, что «потенциал данного научного направления в определенной мере в 1920-е годы себя уже исчерпал» (с. 376). Тезис об «исчерпании» противоречит не только хорошо известным и упомянутым ранее самой Ивановой фактам научной действительности более позднего времени, когда, «пройдя через идеологический запрет», историческая школа заняла в науке «прочное» место (с. 172), но и тому, что тут говорится буквально на следующих страницах — об усилении внимания к социальному аспекту в былинноведческих трудах тогдашних главных представителей этого направления братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых (внимания, которое на самом деле обозначилось еще в предреволюционных работах А. В. Маркова), о взаимообогащении методов исторической школы и теоретического наследия А. Н. Веселовского, о значении былинноведческих работ

В. Брига и А. И. Лященко в исследовании взаимоотношений русского и скандинавского исторического эпоса (с. 377—383).

Бросается в глаза неравномерность внимания, уделяемого Ивановой сопоставимым явлениям дореволюционной и послереволюционной науки. В книге, общий объем которой около восьмисот страниц, только 252 страницы отведены исследователям и собирателям русского фольклора, их научным учреждениям и организациям, их издательской и культурологической деятельности за первые семнадцать лет (1900—1916 гг.). Рассмотрение же аналогичного материала за двадцать четыре с половиной года, прошедших после революции, занимает 520 страниц. Из них 206 страниц уделены первым двенадцати годам. Но ни объем и значимость научной продукции, ни даже количество реально функционировавших научных учреждений или общий размах работы их в 1917—1928 гг. на самом деле не выдерживает сравнения с тем, что было до 1917 г. Если, говоря о дореволюционном периоде, Т. Г. Иванова остается в рамках строго делового конкретного информирования, то, перейдя к двадцатым годам, она пространно иллюстрирует — порой даже с обширными цитатами из архивных материалов — факты и явления гораздо менее значимые, чем те, которые при рассмотрении в предыдущем разделе сравнительно кратко констатировались — хотя при желании могли бы быть аналогичным образом подробно проиллюстрированы.

Второй раздел, посвященный 1920-м гг., когда, по мнению Т. Г. Ивановой, наша фольклористика переживала расцвет, не содержит глав, посвященных отдельным ее областям: совокупно рассматриваются как «теоретические направления» данной эпохи сначала «старые методы и школы», а в следующей главе — «новые методы и школы». В качестве последних здесь фигурируют «формальная школа», «структурный (структурологический) метод», «ростки фрейдистской мысли в фольклористике», «философское осмысление фольклорной культуры», «социологическое направление» и «выделение этнографии детства в отдельную область научных знаний».

Т. Г. Иванова хочет «называть первое десятилетие после октябрьского переворота вторым “серебряным веком” русской культуры» (с. 253). Что касается непосредственно изучения фольклора, то, по

словам Ивановой, «заявленный» ею «тезис о нормальном (свободном) развитии фольклористики в первое послеоктябрьское десятилетие особо ярко подтверждается тем фактом», что именно тогда «зародились и успели сформироваться несколько новых научных направлений». Конкретно же, помимо «формальной школы» к таким направлениям Иванова причисляет здесь «структурно-функциональный метод» в трудах П. Г. Богатырева (работавшего, однако, тогда не в советской стране, а в Западной Европе). Сюда же отнесен «отчетливый интерес» фольклористов к фрейдистской теории и усиление их внимания «к социологической составляющей фольклорной культуры» (с. 405). И это — всё. Таким образом, реальным проявлением «свободного развития» советской фольклористики «в первое послеоктябрьское десятилетие» оказывается главным образом то, что под пером Т. Г. Ивановой предстает как «формальная школа». Но говорить о «школе» как таковой все же нет реальных оснований. В действительности имело место лишь появление разнонаправленных и разноуровневых обращений к поэтике, особенно же, — к способам сюжетосложения. Бесспорно талантливая, но плохо изданная в Саратове книга А. П. Скафтымова, и напечатанные на Украине, а впоследствии основательно забытые две статьи М. О. Габель о былинах, помещенные в очень ненадолго появившихся тогда сборниках «Художественный фольклор», excursus Б. М. Соколова о песнях и статьи А. К. Мореевой о свадебных приговорах, а А. М. Смирнова-Кутаческого — о сказке «Терем мухи», и тогда же увидевшая свет в угасавших «Известиях по русскому языку и словесности» работа В. Ф. Ржиги, посвященная фольклорным и литературным произведениям о М. В. Скопине-Шуйском — на самом деле никак не могут быть объединены понятием научной школы, будучи слишком различны и по своим исследовательским целям, и по своим исследовательским методам. А претензии Виктора Шкловского ревизовать теорию мотива и сюжета А. Н. Веселовского, равно как и ширококвещательные тезисы Ржиги относительно грядущего приоритета ««поэтической» школы», представляли в качестве изолированных деклараций, не получавших практической реализации.

Тем не менее, как раз поэтика — но 170 в самом широком ее понимании — все-

таки и послужила для фольклористов того времени исследовательской нишей, в которой еще удавалось — каждому из них по-своему — «свободно» функционировать, укрываясь здесь до поры от принуждения к участию в партийно-государственной риторике «классовой борьбы» и «пролетарского интернационализма». Продуктивным ответвлением этой ниши оказалась морфология. Отдавая должное монографии В. Я. Проппа «Морфология сказки» и говоря подробно о менее значительных сказковедческих работах А. И. Никифорова и Р. М. Волкова, Иванова без достаточных на то оснований сюда же отнесла написанную еще за четыре года до революции и только изданную в 1917 г. книгу Н. Ф. Познанского о заговорах, где исследована не столько их форма, сколько содержание.

По мнению Т. Г. Ивановой, в 1920-е гг. «старые» школы и направления русской фольклористики функционировали «в условиях свободы научной мысли» и «развивались, подчиняясь исключительно имманентным научным законам». Отмечаемые же Ивановой «застойные явления» по ее словам «были обусловлены определенным рода “усталостью” того или иного научного направления, но никак не были связаны с каким-либо идеологическим диктатом» (с. 400). Достаточно явные признаки воздействия прямого идеологического диктата» на сам ход фольклористической деятельности того времени, действительно, еще малозаметны. Но плоды исследований, неудобные в идеологической атмосфере того времени, в печать, однако, не попадают. Была не «усталость» научных направлений, а усталость самих ученых от необходимости приспособлять свою деятельность к этой атмосфере (пребывая, как правило, и в радикально ухудшившихся после революции жизненных условиях). Невозможно закрывать глаза на достаточно весомые и весьма показательные факты.

Монография Б. М. Соколова, посвященная исследованию исторической песни о князе Ярославле Мудром как основы «Большого стиха» о святом Егории, была подготовлена автором в начале 20-х гг., но увидела свет лишь в 1995 г. Остается неизданным главный его труд, итог многолетних занятий русским эпосом, монография «Эпос русского средневековья». Его магистерская диссертация, «Эпические сказания о женитьбе князя Владимира, Гер-

мано-русские отношения в области эпоса» в 1923 г. лишь «в сокращенном варианте появилась в малотиражном провинциальном издании и давно стала библиографической редкостью, а полный текст — не опубликован и поныне. Вводная часть монографии об эпосе «появилась в печати сравнительно недавно», как констатировала В. А. Бахтина, публикуя посмертно книгу Б. М. Соколова, посвященную духовному стиху о Егории [Соколов 1995, 9]. Ответ Б. М. Соколова на критику исторической школы в изданной в 1923 г. книге А. П. Скафтымова не смог тогда появиться в печати, а был опубликован только спустя много лет после кончины автора. Проводившееся П. С. Богословским исследование взаимосвязей древнерусской литературы и народной поэзии было автором прекращено и осталось в рукописи, ибо «уже к концу 1920-х гг. стало ясно, что жанры устной словесности, отражавшие христианское мировоззрение русского народа, в глазах властей являются крамольными» (с. 338). Но не только христианское мировоззрение, а и волюнтаристские крестьянского фольклора по отношению к тогдашним властям — уже в середине 1920-х гг. и даже в первой их половине зафиксированное студентами А. А. Веселовского — в печать так и не попало. Сам же он оказался уволен в 1924 г., а дальнейшие его попытки дать полное описание этих записей цензуруются, приводят к аресту ученого и едва не заканчиваются высылкой его в Сибирь еще в 1927 г., о чем пишет подробно сама Иванова. А весь период 1917—1927 гг., обозначенный ею вслед за С. О. Шмидтом как ««золотой век» краеведения в СССР» (с. 323), на самом деле вполне прозаично был объяснен ею же процитированным позднее тогдашним письмом А. А. Веселовского: «Краеведение — это та собачья тропинка, свиньячья лазеечка (выражение из свадебных причитаний), куда всевидящее око недреманное не заглядывало. Теперь все порядочные филологи в провинции стали по необходимости краеведами» (с. 353). Аналогично можно было бы характеризовать и судьбу научной продукции других крупных ученых, создававшейся в 1920-е гг., но десятки лет затем дожидавшейся публикации, а во многих случаях не увидевшей света и до сих пор.

Конкретный разговор об истории науки в нашей стране, в частности — истории фольклористики, может не оказаться

достаточно серьезным без должного учета основных параметров внутрисоциальной истории, определявшей, среди прочего, идеологический климат в области культуры. Напряженная борьба за власть внутри большевистского руководства, ожесточившаяся после впадения в прострацию Ленина, почти пять лет шла в основном между Троцким и его союзниками с одной стороны и Сталиным и его союзниками с другой. Ища приверженцев среди деятелей культуры, талантливый демагог Троцкий в то время даже писал: «Область искусства не такая, где партия призвана командовать. Она может и должна оказывать условный кредит своего доверия разным художественным группировкам, искренне стремящимся ближе подойти к революции, чтобы помочь ее художественному оформлению» (цит. по: [Верт 1995, 175]). Эта борьба окончилась, как известно, высылкой Троцкого из СССР в 1928 г. Тогда начался переход от НЭПа к «коллективизации», «раскулачиванию» и «сталинским пятилеткам» — при имитации «обострения классовой борьбы». Это повлекло для ученых-гуманитариев переход от режима «условного кредита доверия», а вернее говоря, от недолгой «оттепели» 1920-х гг. — к режиму откровенного идеологического произвола, длившегося более четверти века, — до снова недолгой «оттепели» 1950-х гг., которая порождена была новым обострением борьбы за власть в большевистском руководстве после смерти Сталина.

Т. Г. Иванова посвятила один из последних экскурсов в зарубежную науку не профессиональному фольклористу, а выдающемуся философу и публицисту И. А. Ильину, останки которого не так давно были с почестями перенесены в Россию и погребены в Москве. Думается, однако, что он заслуживал несколько большего внимания в этой книге — не столько, может быть, своей действительно глубокой работой о русской сказке (о которой пишет Иванова), сколько принципиальными оценками интеллектуальной жизни в послереволюционной России.

«Пять лет прожил я в Москве при большевиках, — писал Ильин в 1926 г., — я видел их работу, я изучил их приемы и систему, я участвовал в борьбе с ними и многое испытал на себе. Свидетельствую: это растлители души и духа, безбожные, бесстыдные, жадные, лживые и жестокие властолубы. Коллеблющийся

и двоящийся в отношении к ним — сам заражен их болезнью; договаривающийся с ними — договаривается с дьяволом: он будет предан, оболган и погублен» [Ильин 1999, 262]. Последние слова И. А. Ильина оказались пророческими. Именно так поступала советская власть в 1930-е гг. с теми учеными-гуманитариями, которые в 1920-гг. еще наивно полагали, что можно «договориться» с большевиками — отделяясь реверансами в сторону их общей фразеологии, полностью свертывая неугодные советской власти области изучения и внешне приспособлявая научную продукцию в остающихся областях к тогдашней атмосфере государственного поношения «проклятого прошлого», государственного искоренения православной веры, государственного преследования проявлений русского патриотизма (официально обозначавшихся как «великодержавный шовинизм»).

Напрасно идеализировав во втором разделе своего труда обстановку «оттепели» 1920-х гг., Т. Г. Иванова с вполне оправданной суровостью характеризует в третьем разделе наступившее в 1929 г. «господство преступного сталинского режима» (с. 459) — как бы отвлекшись от того обстоятельства, что аналогичным был уже характер режима, господство которого наступило в 1918 г. при Ленине в обстановке «красного террора». Совершенно справедливо констатировала Иванова, начав разговор о третьем периоде: «В фольклористике 1929—1941 годы характеризуются репрессиями против ученых, сужением методологической базы науки, исключением из сферы ее внимания целого ряда жанров и явлений, а также безуспешным внедрением жесткого управления не только в фольклористические (научные) процессы, но и в фольклорную культуру как таковую» (с. 459).

Чрезвычайно важный конкретный материал внимательно рассмотрен и достаточно верно оценен в центральных главах третьего раздела книги Т. Г. Ивановой. Это глава 2-я «Фольклор и сталинские репрессии» и глава 3-я «Фольклористика и идеологический диктат. Сужение методологической базы науки о “живой старине”». Правоммерно резюмирует Иванова свое описание ситуации в русской фольклористике 1930-х гг.: «Аресты и расстрелы, коснувшиеся многих специалистов по народной культуре, без сомнения, самым негативным образом сказывались

на развитии фольклористической мысли. Не менее страшным для науки был и идеологический диктат, которому вместе с другими гуманитарными дисциплинами вынуждена была подчиниться фольклористика. Этот диктат привел к искажению развития фольклористической мысли в России» (с. 511). Важными его показателями стали «установочные» статьи, написанные возглавлявшими тогда советскую фольклористику Ю. М. Соколовым и М. К. Азадовским. Предостерегая против «ошибочных и опасных тенденций, получивших право гражданства в нашей науке о фольклоре», Азадовский утверждал, что «фольклористам надлежит тщательно продумать весь путь буржуазной науки о фольклоре и проанализировать политическую сущность всех теорий последнего времени» — с позиций «борьбы за построение подлинно марксистской фольклористики» [Азадовский 1939, 38, 40, 41].

«Подлинно марксистская» фольклористика подлежала политическому контролю и централизации. Не отвечавшее таким требованиям краеведение к началу 1930-х гг. было фактически разгромлено. Т. Г. Иванова проиллюстрировала этот процесс на судьбе отдельных ученых и напомнила, что влачившие жалкое существование, хотя формально еще существовавшие краеведческие общества в 1937 г. «были закрыты» (с. 496). Своего рода убежищем для ученых оставалась тогда собирательская работа. Хотя и она была под идеологическим контролем, препятствовавшим фиксации не только духовных стихов, но и многих других произведений, неприемлемых для советского режима, однако все же основной репертуар былин, сказок и отчасти исторических песен удавалось не только записывать, но и публиковать. Впрочем, Т. Г. Иванова, сравнительно бегло характеризуя фиксацию собирателями того времени классических жанров, основное внимание уделила записыванию городского и уличного фольклора.

Позитивным фактом в фольклористической деятельности 1930-х гг. было возникновение нескольких архивов, где оказались сосредоточены послереволюционные записи и другие материалы, важные как для истории фольклористики, так и для дальнейшего изучения самого фольклора. Архивы эти, существующие и поныне, подробно охарактеризованы в соответствующей главе книги Т. Г. Ивановой.

Но позитивные явления в фольклористической действительности того периода слишком явно заслонялись преобладанием явлений негативных. Это наглядно показано в главе седьмой, где обоснованно говорится, что «управление фольклорными процессами в 1930-е гг. стало нормой существования фольклористики», причем «включение устной народной поэзии в инструментарий большевистской идеологии сказалось, в первую очередь, на двух областях фольклорной культуры: на деятельности русских народных хоров и на творчестве народных сказителей» (с. 646). Весьма существенным продуктом тогдашних извращений не только в науке о фольклоре, но и в деятельности довольно многих его народных носителей оказался «идеологически безупречный» псевдофольклор, обильно создававшийся под руководством и при непосредственном участии писателей и фольклористов. Это были не только печально известные «новины», превозносившие в псевдобылинной манере советских вождей и военачальников. Такого же происхождения и аналогичной идейной направленности были не вошедшие в устную традицию псевдочастушки, псевдопословицы, псевдосказки и подобные изделия других жанров, которыми оказались основательно засорены опубликованные в ту пору издания фольклора. Иванова удачно иллюстрирует и чуткое проворство самих публикаторов, мгновенно изменявших «идеологически актуальные» якобы фольклорные тексты вслед за крутыми поворотами в государственной политике. Она отмечает, вместе с тем, хотя и смелые при тогдашней ситуации, однако лишь «единичные для 1930-х годов эпизоды критики произведений “советского фольклора”» (с. 681).

Что касается собственно исследовательской деятельности тогдашних фольклористов, то ее угнетенное состояние иллюстрирует глава шестая «Основные направления в фольклористике 1930-х гг.». Начиная ее, Т. Г. Иванова констатирует: «В фольклористике появились закрытые для исследования темы и области, сформировался обязательный марксистско-ленинский “цитатник”, однако научная мысль, которую нельзя было остановить, настойчиво искала те сферы и аспекты фольклорной культуры, которые бы, не раздражая власть предрержающую или оставаясь идеологам от науки непонятными, отвечали бы подлинно научным поискам.

Подлинно научные векторы не могли не появляться даже в условиях жесткого политического и идеологического прессинга. Именно им и посвящена данная глава» (с. 601). Подобные «векторы» в ней действительно характеризуются. Конкретно это палеонтологический метод, сказководение, изучение творчества сказителей, изучение былин, обращение к истории фольклористики и изучение несказочной прозы. Фактически здесь речь идет не столько о научных направлениях, сколько о тематике создававшихся в это время работ с пересказом их основного содержания и отсылками к другим главам, где соответствующая область или тема рассматривается в иной связи. Иванова справедливо отметила, что, поскольку «наука вынужденно подчиняла себя многочисленным идеологическим запретам», в 1930-е гг. «за пределами науки оказались направления, определявшие развитие фольклористики в 1900—1920-е гг.» (с. 636). Впрочем, за пределами самой книги по непонятной причине оказался ряд работ о взаимоотношении фольклора и средневековой письменности. Например, четырехтомный труд А. И. Никифорова, посвященный фольклорной природе «Слова о полку Игореве». Он был автором завершен и даже защищен как докторская диссертация в 1940 г., т. е. в эпоху, которой посвящена нынешняя книга Т. Г. Ивановой, но ею почему-то не упомянут (хотя хранится в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН, в Рукописном отделе, который она возглавляла). Никифоров подвергся аресту и затем погиб от голода в осажденном Ленинграде, сумев до войны напечатать только первую главу своей диссертации. Некоторые же ее фрагменты увидели свет в изданиях по истории русской фольклористики лишь сравнительно недавно.

Важность последнего раздела книги Т. Г. Ивановой определяется преимущественно тем, что зарубежная русскоязычная фольклористика (главным образом — эмигрантская), о которой тут идет речь, не подвергалась идейно-политическому нажиму и репрессиям со стороны советской власти. Соответственно, наука здесь существовала в условиях полной и реальной свободы мнений (а не мнимой и ограниченной — как в советской стране 1920-х гг.). Но русских ученых тут было сравнительно мало, а издательские их возможности сравнительно невелики. Тем не

менее, вклад этих людей в науку оказался значителен, что и показывает Иванова. Показывает иногда настолько подробно, что нарушаются разумные пропорции. Например, собирательской деятельности И. Д. Фридриха в Латвии уделено в этом разделе столько же места, сколько такой же деятельности на Русском Севере А. В. Маркова, А. Д. Григорьева и Н. Е. Ончукова вместе взятых — в соответствующих параграфах первого раздела. А одному П. Г. Богатыреву — столько же места, сколько всем ученикам и последователям А. Н. Веселовского вместе взятым — в первом разделе.

Следует отдать должное весьма квалифицированному трудолюбию Т. Г. Ивановой. Большая польза от проделанной ею работы не подлежит никакому сомнению. Объемистая книга, созданная в результате немалого труда, представляет собой очень детально проработанный и удачно систематизированный материал для будущей Истории русской фольклористики XX в. Но написание ее потребует, конечно, не менее тщательного собирания и еще более взвешенного осмысления материала, относящегося к середине и ко второй половине прошедшего столетия. А кое-что из уже написанного ожидает, как представляется, не только смысловых уточнений, но иногда и переосмыслений. Считаю, что пока не была оправдана попытка довести повествование до рубежа двух веков. Серьезные историки дореволюционного времени всегда воздерживались от того, чтобы подробно характеризовать и анализировать прошедшее за последние полвека: материал должен «отстояться», а пишущий, в интересах объективности, возможно меньше должен быть обязан в своих оценках прямому воздействию текущей современности.

Литература

Азадовский 1939 — *Азадовский М. К.* Советская фольклористика за 20 лет // Советский фольклор: сб. статей и материалов. М.; Л., 1939. № 6.

Верт 1995 — *Верт Н.* История советского государства. М., 1995.

Ильин 1999 — *Ильин Н. А.* Собрание сочинений. М., 1999. Т. 9—10.

Соколов 1995 — *Соколов Б. М.* Большой стих о Егории Храбром: Исследование и материалы / предисл. В. А. Бахтиной. М., 1995.

С. В. АЛПАТОВ

(Москва)

Рецензия на: Налепин А. Л. Два века русского фольклора: опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX—XX столетиях. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 504 с.

Монографии Алексея Леонидовича Налепина «собраны и обобщены фольклористические и историко-литературные исследования, посвященные опыту и сравнительному подходу в изучении и интерпретации фольклора в России и русского фольклора в Великобритании и США в XIX — XX вв.» (с. 5). Исходная посылка к систематизации и осмыслению результатов трех десятилетий научной деятельности выгодно отличает данный труд от многих современных, на живую нитку сшитых, сборников статей разных лет.

Так Введение «О целях и задачах этой книги» не просто представляет обзор основных разделов монографии, но готовит читателя к восприятию частных тем в логике целого — «единого взаимодействия фольклористических исследований и интерпретаций русского фольклора» (там же).

В свою очередь, итоговое «В заключение...» приводит многоуровневые и разноплановые наблюдения, разборы и суждения автора к общему знаменателю: «Я рассматриваю настоящую книгу как вклад фольклориста в разработку широкой комплексной научной программы осмысления феномена творческого наследия русского народно-поэтического творчества в контексте сопоставления культурных доминант в Отечестве и на Западе» (с. 461). Подчеркнуто, что фольклористика для Алексея Леонидовича не условное или привычно употребляемое понятие, но терминологически определенная сфера — филологического изучения фольклорных феноменов в их комплексном этнографическом, социологическом, историко-культурном, мировоззренческом контексте.

Девять обширных статей по теме «Изучение русского фольклора в Великобритании и США» объединяет прежде всего исторический принцип освещения вопроса: от «первых встреч» англичан и американцев с русским фольклором до систематических публикаций и научного анализа русского народного творчества. Согласно с внешней хронологией разви-